

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т77

Henry Troyat
LA LUMIÈRE DES JUSTES
Les compagnons du coquelicot

Перевод с французского *Елены Сутоцкой*

Дизайн и иллюстрация на обложке *Анастасии Ивановой*

Труайя, Анри
Т77 Свет праведных: Братство мака : роман / Анри Труайя ; [пер. с фр. Е. Сутоцкой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 336 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-30290-7

«Историю делают народы», — написал Л. Н. Толстой в «Войне и мире». Анри Труайя считал, что историю делают не только народы, но и отдельные личности. Именно такой герой, непосредственно участвующий в мировой истории, — Николай Озарёв, поручик лейб-гвардии, которого мы впервые видим среди русских воинов, вошедших в Париж после победы над Бонапартом. Труайя, чьи исторические романы отличаются, с одной стороны, достоверностью, а с другой — художественностью, показывает, как в Париже 1814 года загораются искры того пламени, которое 14 декабря 1825 года вспыхнет на Сенатской площади.

И в 1814 году загорается еще одно пламя — Николай Озарёв влюбляется во французскую аристократку Софи де Шамплит. Гордая, свободолюбивая красавица носит траур по умершему мужу и не сразу принимает знаки внимания русского офицера, сражавшегося против французской армии. Но в конце концов ему удается завоевать ее сердце. Николай клянется, что Софи ни разу не пожалеет о том, что доверила ему свою судьбу. И ни разу не пожалеет, что согласилась уехать с ним в далекую, незнакомую Россию.

Так они оказываются в Санкт-Петербурге — холодном, величественном, но для Софи чужом городе. И это только первая часть их романа — и первая часть цикла Анри Труайя «Свет праведных», посвященного декабристам и написанного с большой любовью к российской истории и большой любовью к героям, прототипы которых эту историю и совершали.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-30290-7

© Flammarion, 1959
© Сутоцкая Е., наследники, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Анри Труайя

СВЕТ ПРАВЕДНЫХ

Братство мака

РОМАН О ДЕКАБРИСТАХ

АЗБУКА

Москва

*«Свет праведных весело горит,
светильник же нечестивых угасает...»*

Притчи Соломона, 13:9

Часть I

1

Дорога больше не была видна, ее захлестнул поток военных мундиров, знамен, орудий, который неспешно продвигался меж полей. В такт с этим нескончаемым строем ехал верхом и поручик лейб-гвардии Литовского полка Николай Михайлович Озарёв. Время от времени он приподнимался в седле, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди. Впрочем, порядок был известен каждому, ошибиться невозможно: ярко-красное пятно в клубах пыли — лейб-казаки, за ними — кирасиры, гусары и эскадрон волонтеров прусской королевской гвардии, драгуны и гусары русской царской гвардии. Затем — император Александр в сопровождении короля Пруссии и князя Шварценберга, представителя австрийского императора. Вчерашних триумфаторов — старого Блюхера и Барклая де Толли, получившего чин фельдмаршала прямо на поле боя, — окружали сотни офицеров разных армий европейских стран. За ними — колонна инфантерии войск коалиции, которую и возглавлял Литовский полк, второй дивизион русской Императорской гвардии.

Во время последних сражений он находился в резерве. Теперь гвардейцы выглядели бравыми, подтянутыми, веселыми. Ружья радостно поблескивали, солнце играло на штыках, белая кожаная портупея оттеняла вылинявшие зеленые мундиры. Гремели барабаны, тысячи людей шагали в ногу.

Только молодые офицеры-пехотинцы, у которых были лошади, получили право ехать верхом, а не идти общим строем, как на обычных парадах. Николай радовался этому обстоятельству, так как мог наблюдать за происходившим вокруг. Его кобыла Китти была не слишком хороша собой — толстый, в яблоках, живот, короткая шея, худые ноги. Что ж, он никогда и не собирался соперничать в эlegantности с кавалеристами. Обернувшись, юноша взглядом отыскал замыкавших марш кирасиров и конных гвардейцев. До самого горизонта все было в голубоватой дымке, сквозь которую вспыхивали вдруг кирасы. Несмотря на усталость и потери, армия казалась все столь же многочисленной и мощной. Вкус победы был еще так свеж этим теплым мартовским утром 1814 года! Тела убитых убрали подальше, чтобы расчистить дорогу. Озарёв старался не думать о них, чтобы не испортить себе настроение, хотя уголком глаза не мог не замечать: безжизненные куклы с грязными лицами, распухшие лошади с одеревеневшими ногами, изуродованная пушка, увязнувшее в земле ядро, походный ранец, а под ним кто-то, лежащий, уткнувшись лицом в землю. Говорят, что с обеих сторон погибших — тысячи.

Тополя слева от дороги пострадали от перестрелки, справа пейзаж остался в неприкосновенности: склоны холмов, покрытые виноградниками, утопа-

ющие в нежной зелени домики, ветряные мельницы с застывшими крыльями. На вершине холма замерла сигнальная вышка, смолкли батареи, которые еще недавно грохотали, окутанные белыми облаками. Полки, словно гусеницы, тянулись по равнине в боевом порядке. Царь со своим штабом остановился на возвышенности, откуда хорошо просматривались окрестности...

Убаюканный мерным шагом Китти, всадник раз за разом воскрешал в памяти то странное мгновение сразу после захода солнца, когда внезапно на них обрушилась тишина. Офицеры беспокойно спрашивали друг друга о причине передышки. Во все стороны спешили гонцы — лица красные, взгляд исполнен важности. И вдруг земля взорвалась единым криком, который, будто волна, зародившаяся в предместьях города, несясь, вздымаясь ввысь: «Париж!.. Париж сдался!.. Ура!..» Солдаты обнимались. Вскоре прибыл штабной курьер, подтвердивший известие: на постоялом дворе ля Шапель недалеко от заставы Сен-Дени маршал Мармон и представители русского царя заключили перемирие. Наполеону оставалось полагаться на восточные провинции страны, столица была занята неприятелем. Означало ли это конец войны? Вчера, сразу после того, как прозвучал сигнал прекратить огонь, Николай с несколькими товарищами отправился в Бельвилль разжиться вином. Солдаты — русские, французы, немцы, австрийцы, — выломав двери подвалов, утоляли жажду из одних бочек, поставив оружие у стен — чтобы не мешало. «Мне только двадцать, и в моей жизни уже был столь славный день!» — подумал Озарёв, горделиво глядя вокруг, как

бы позируя незримому художнику. Он многого ожидал от Парижа — города искусств, философии и доступной любви. И еще никогда не был так признателен родителям, которые дали ему хорошее «западное» образование. Благодаря воспитателю-эмигранту мсье Лезюру, манерному, но бедному, с малых лет ему было столь же легко говорить по-французски, как и по-русски. Это пригодится, чтобы завоевать, утверждают его приятели, симпатии парижан и благосклонность парижанок. Всего одна верста до заставы Пантен! Полк остановился, чтобы привести себя в порядок, прежде чем войти в город. Согласно приказу, гвардейцы расчехлили и приготовили парадные кивера с черными султанами. Сменили походные штаны на белые, чистые, хранившиеся в ранцах. Поручик спешился, чтобы тоже переодеться. Так, смеясь, вся русская пехота стояла без штанов вдоль дороги. Две изумленные крестьянки убегали через поля, подгоняемые солдатскими шутками. Закончив со своим «туалетом», Николай осмотрел подчиненных: на месте ли все пуговицы, хорошо ли начищены. Полковник де Полиньяк, французский эмигрант, начальник батальона Литовского полка, пройдя между рядами, остался доволен и приказал выступать.

Молодой человек, вновь сидя в седле, в душе готовился пережить еще более волнующие мгновения. Вот уже стоящие вдоль дороги сады становились меньше, дома — солиднее, но и грязнее — теснились друг к другу. Быть может, это предместья Парижа? Бедно одетые мужчины, женщины, дети показывались на пороге своих жилищ, на лицах был страх. Помпезность парадного марша со знаменами и оглушительным

боем барабанов отчаянно контрастировала с мрачной апатией местных жителей. «Ясно, что они нас не любят, — с грустью подумал Озарёв. — Боятся нас. Но когда-нибудь даже те, кто сейчас относятся к нам враждебно, будут благодарны, что мы освободили их от кровавого тирана». Подобное убеждение разделяли многие его товарищи. Да и могло ли быть иначе, когда столько французов сражались в одном строю с русскими? Полиньяк, Рошешуар, Ламбер, Дама, Монпеза, Рапатель, Буте... В союзнической армии было столько представителей разных наций, столько разных мундиров и знаков отличия, что было решено, во избежание недоразумений, каждому носить на рукаве белую повязку. Солдаты довольствовались тряпками, более или менее чистыми, Николай воспользовался двумя батистовыми носовыми платками, которые связал уголками. Перед ним, насколько хватало взгляда, все были отмечены этим знаком мира. Звуки барабанов и труб все резче отзывались в узких улицах. Строй прошел под внушительной каменной аркой, повернул направо — впереди расстилалась улица со множеством деревьев и высокими домами: юноша, накануне внимательно изучивший план Парижа, знал, что, войдя в город через ворота Сен-Мартен, войска должны были теперь следовать вдоль бульваров.

Говорили, что государи будут принимать парад на Елисейских полях. По мере того как победители продвигались к центру города, росло число зевак. Согласно условиям заключенного перемирия, части французской регулярной армии ночью покинули город, остались только представители национальной гвардии, призванные поддерживать порядок. В голубых

мундирах с эполетами и ярко-красными обшлагами, в белых штанах и высоких гетрах, они стояли живой изгородью вдоль улиц, пока мимо проходили те, с кем они еще вчера сражались. Озарёв украдкой поглядывал на их лица и не отказывал себе в удовольствии пожалеть недавних противников, за спинами которых волновалась парижская толпа. Все окна были открыты настежь, в каждом — любопытные. Самые отчаянные забирались на деревья, крыши карет и домов. Внезапно раздались крики: «Да здравствуют союзники! Да здравствует император Александр! Да здравствует мир! Долой тирана!..»

Возгласы эти, столь непохожие на враждебное молчание окраин, удивили Николая: казалось, они не просто проходят квартал за кварталом, но попадают из одной страны в другую. Элегантно одетые женщины аплодировали, махали шарфами, шляпками, лентами, мужчины в ярких жилетах приветствовали победителей носовыми платками, шляпами, тростями. Некоторые прицепили белые банты. Стоявший в первом ряду господин с налитым кровью лицом прорычал:

— Трон — Бурбонам!

И в тот же миг что-то ударило всадника по щеке — букет. Прежде чем мелькнула мысль, что хорошо бы поймать цветы, те уже упали. Он галантно поднял их и приколот на мундир. Потом вдруг испугался — не слишком ли этот жест театрален? Но нет, раздались приветствия, и пронзительный женский голос воскликнул:

— Браво! Браво русским!

Озарёв просиял от счастья и огляделся. Впрочем, напрасны были его попытки различить тех, кто воз-

дал ему должное, вокруг было слишком много людей, их лица мешались. Он погладил лошадь — Китти благодарно повела головой снизу вверх. И приободрился: «Должно быть, я хорош верхом. Как прекрасно быть русским в эту минуту! Благословен будь наш дорогой император за эту невероятную славу, которой мы обязаны ему». Грубый голос, раздавшийся с левого фланга, заставил его почти подпрыгнуть в седле — каптенармус Матвейч, не замедляя шага, орал:

— Ваша светлость, они отрежут нас от полка! Надо что-то делать!..

Толпа прорвала ограждение и высыпала между взводом пехотинцев, которым командовал Николай, и остальным батальоном, уходившим все дальше. В мгновение ока русские оказались окружены сотней радостных, возбужденных людей.

— Позвольте нам пройти, господа, — начал офицер. — Вы же видите, что задерживаете движение. Освободите улицу!..

— Да он говорит по-французски совсем как мы!.. А нас уверяли, что это варвары!.. Откуда вы, милый молодой человек?..

Искренне тронутый, тот думал было ответить, но только напрасно потерял время: его лошадь, зажата толпой, не могла сделать больше ни шага, не раздавив кого-нибудь. Хорошенькая блондинка, дерзко глядя на него, теребила уздечку.

— Оставьте, мадам, — выдохнул верховой. Потом поднялся в стременах и закричал: — Если вы не разойдетесь, я прикажу своим людям применить силу.

И повторил то же самое еще раз, по-русски. Нахмуренные брови, казалось, должны были придавать

лицу воинственное выражение. Ответом ему был металлический звук за спиной — солдаты держали оружие наперевес, готовые к атаке. Толпа расступилась.

— Вперед! — скомандовал, покраснев, Озарёв.

Вскоре его взвод догнал полк: вновь весело и громко зазвучали трубы, пехотинцы зашагали в ногу с товарищами. Жители столицы все так же приветствовали их появление. На углу бульвара движение остановилось, командиры проверили строй. Николай был слишком взволнован при мысли, что пройдет парадным шагом мимо царя именно там, где был обезглавлен последний французский король.

Неожиданно фасады домов расступились, полк оказался на бывшей площади Людовика XV, заполненной разноцветной толпой, воздух дрожал от рева труб и гула барабанов. Государи-союзники, верхом, были в конце зеленого проспекта. Гвардейцы Литовского полка, строем по тридцать, шли, словно хорошо отлаженные автоматы. Вытянув саблю книзу, повернув голову направо, насколько хватало сил, Озарёв приближался к императору. Тот одет был в форму кавалергардов, на груди — голубая лента ордена Святого Андрея. Плечи казались шире под тяжелыми позолоченными эполетами, зеленая треуголка, украшенная перьями, сдвинутая немного набок, оттеняла лицо — поразительно молодое, серьезное. Прекрасная серая кобыла была когда-то подарена ему Наполеоном. Его окружали прославленные военные, но молодой человек видел только Александра — освободителя, обезглавившего гидру, Агамемнона нового времени. Доля секунды, и вот уже эта великолепная картина — не более чем воспоминание.

* * *

Ближе к вечеру начал накрапывать дождь. Литовский полк, пройдя парадным шагом через весь Париж, остановился лагерем на полях близ деревни Нейи. Сложили оружие, разбили три палатки — для командира и офицеров из его окружения, предполагалось, что задержаться здесь долго не придется. Но часы шли, никакой команды не поступало.

Николай решил пройтись. Полковое знамя, которое воткнули прямо в землю, охраняли двое часовых, фонарь, стоявший рядом, освещал их, будто актеров на подмостках. Дождь прекратился. Солдаты, сняв мундиры, на корточках сидели вокруг костра, скорее дымившего, чем горевшего, разговаривали. Кто-то пришивал пуговицу, счищал грязь с подошв, кто-то обтачивал палочку, просто чтобы чем-то заняться, ординарец выбивал пыль из офицерской шинели. Ржали на привязи лошади. Старый усатый барабанщик учил своему искусству юношу шестнадцати лет, больше походившего на переодетую девушку. Возвратился наряд — дежурные принесли воду. У котелка раздавались взрывы смеха. Озарёв почуял запах щей и понял, что проголодался. Офицерский паек был скромным: селедка, каша, сыр. Его личные запасы остались в багаже, который исчез накануне вместе со всем обозом и людьми, к нему приставленными для охраны. Молодой человек беспокоился, удастся ли ему вновь свидеться со своим слугой Антипом — хитрым, ленивым, болтливым, но одним из самых умных крепостных его семьи, за что отец и доверил ему сопровождать сына. «Не отходи от него ни на шаг! Не спускай с него глаз! Ответишь мне за него соб-

ственной шкурой!» Бравый офицер до сих пор слышал это грозное напутствие и вновь видел родителя, стоящего перед испуганно собравшимися у крыльца крестьянами: стальной взгляд, ноздри раздуваются. За ним — Мари, младшая сестра Николая, бледная, беспомощная, сердце сжималось при воспоминании о ней. Их мать умерла шесть лет назад, эта потеря еще больше сблизила их. Как там она, в их Каштановке, рядом с подозрительным, обидчивым, страдающим всевозможными маниями батюшкой? Письма в Россию шли долго: «Завтра напишу ей и расскажу обо всем: сражение, Париж, как прекрасны были на параде мои солдаты...»

Брат был горд своей принадлежностью к Литовскому полку, а ведь он и пальцем не пошевелил, чтобы попасть в него: в 1812 году был еще мальчишкой, учился во Втором кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, когда весть о взятии Москвы всколыхнула всю Россию. Вскоре возглавлявший школу полковник объявил, что ввиду огромных потерь лучшие ее воспитанники досрочно получают офицерское звание. Серым ноябрьским утром всех их собрали в актовом зале, построили вдоль стены. Прибыл великий князь Константин в мундире конных гвардейцев — широкие плечи, приплюснутый нос, рыжие брови. Не став слушать директора, потребовал кусок мела. Потом прошел вдоль юношей, парализованных ужасом, и начертил у каждого на груди какие-то каббалистические знаки — кресты, треугольники, окружности, квадраты. Затем по приказу вызывавшего страх великого князя учащихся разделили на группы: квадраты к квадратам, кресты к крестам. Озарёв, на кото-

ром красовался треугольник, узнал, что призван служить в ряды лейб-гвардии Литовского полка. Все это теперь казалось таким далеким и таким несерьезным! Как будто провел в армии по меньшей мере лет десять: Богемская кампания, сражения у Дрездена, Кульма, Лейпцига, переход через Рейн, битва при Эмсе, Париж... Столько раненых и убитых товарищей! Последний — малыш Фадеев, павший у Бельвилля. Пуля попала ему в лоб. Крови почти не было, только восковая бледность и желтые зубы за посиневшими губами. За день до этого он обсуждал, как закажет новый мундир и какую славную жизнь будет вести во французской столице. Погруженный в раздумья, командир взвода наткнулся на повозку с провизией, притулившуюся у дерева, ее вид вновь напомнил о голоде. Маркитант встретил его словами сожаления:

— Ваша светлость, могу предложить только пряники и табак.

Поручик Ипполит Розников, который восседал на барабани и что-то жевал, проворчал:

— Этими пряниками только улицы мостить!

Николай тем не менее купил несколько. Подошли другие офицеры — беззаботные, веселые, впрочем не без недовольства сложившимся положением дел. Тон задавал Розников:

— Мы сражались, взяли Париж, теперь парижане едят от души, спят в своих постелях, а мы вынуждены стоять лагерем, голодные, в этой грязи! Где справедливость?..

— Французы не церемонились, когда вошли в Москву! — подлил масла в огонь толстый капитан Максимов.

— Да что они там нашли! — вступил Озарёв. — Руины и пламя. У нас, по крайней мере, никто не украл нашей победы.

— Думаешь? — возразил Ипполит. — Мой бедный друг, чтобы насладиться Парижем, нужны деньги, много денег. Когда ты последний раз получал жалованье?

— Больше месяца назад!

— Ну и на что ты собираешься вкусить столичной жизни? Пале-Рояль, театры, кафе, гостеприимные альковы...

Он перечислял эти соблазны с такой живой мимикой, что окружающие не могли удержаться от смеха. Медленно опустилась ночь, один за другим в лагере зажглись фонари. Главная палатка светилась, будто огромная лампа под абажуром из промасленной бумаги. Раздался сигнал, сзывавший командиров взводов. Зашлепали по грязи сапоги, позвякивали сабли. Полковник вышел навстречу собравшимся, в руках у него, подобно листу металла, сверкала бумага, которую он не без напыщенности зачитал: согласно приказу командира 2-й гвардейской дивизии генерала Ермолова, Литовский полк немедленно возвращался в Париж, где должен был расположиться в Вавилонских казармах. Молодые офицеры торжествующе перешептывались. Розников толкнул Николая локтем:

— Вавилон! Символ богатства, развращенности и роскоши! В нашей суровой России никому и в голову не пришло бы назвать так казарму. Что ж, друзья, скучать нам не придется! Вперед, на Вавилон!..

Едва новость разошлась по лагерю, как все произошло в движение, младшие офицеры носились туда-

сюда, опрокидывая котелки, потрясая кулаками, ругаясь, проклиная подчиненных, обещая им наряды вне очереди. В конце концов удалось собрать людей на дороге. Озарёв верхом впереди вверенного ему взвода. Полк уходил в ночь. Дорогу ему освещали фонарики, возглавлявшие и замыкавшие шествие.

Часов в десять вечера полк был у заставы Звезды. Крошечные строения с низкими колоннами и треугольными фронтонами в темноте казались греческими храмами. На ступеньках сидели французские гвардейцы, но контроль за въездом в Париж осуществляли казаки, чьи лошади были привязаны к ограде.

Пересекли какую-то площадь, загроможденную каменными плитами: в свете фонарей видно было основание триумфальной арки, которая, вероятно, никогда уже не будет возведена. Четыре огромные колонны нелепо устремлялись в пустоту, как бы символизируя поражение того, кто решил воздвигнуть этот монумент во славу своей так называемой непобедимой армии. Отсюда начинались Елисейские поля, просторные, уходившие в темноту. По обеим сторонам проспекта, между деревьев, горели костры бивуаков. Здесь расположились казаки, чьи песни и смех слышны были издалека.

В полку некоторые устали так, что едва волочили ноги. Дабы поднять боевой дух, полковник приказал играть марш. При первых его звуках все приободрились. По большому мосту перешли Сену. В темноте памятники и дворцы были едва различимы, казались призрачными, как декорации. Париж спал, в забытии переживая свое поражение. И все же то тут, то там открывались окна, загорались свечи, французы и фран-

цуженки опасливо выглядывали на улицу. Николай хорошо представлял себе их ужас перед этим военным строем, пересекающим город. «Русские! Русские идут!» Одна за другой хлопали рамы, окна закрывались.

Неожиданно полк остановился перед темным зданием, фонарики выступили вперед, в будке оказался русский часовой. Над входом значилось: «Вавилонская казарма».

— Выглядит невесело! — пробормотал кто-то.

2

На следующее утро после переклички капитан Максимов взял Николая под руку и с таинственным видом увлек в угол двора.

— Смотри, что я получил, — сказал он, вынув из кармана какую-то бумагу.

Это был ордер на расквартирование с печатями и подписями.

— Можешь расшифровать? Все по-французски, ни черта не понимаю.

— Особняк графа де Ламбрефу, улица Гренель, 81, — прочитал Озарёв.

Максимов покачал головой:

— Граф де Ламбрефу! Что за птица?

— Без сомнения, некто весьма любезный!

Капитан презрительно скривил толстые, сочные губы.

— Именно это ненавижу больше всего, — воскликнул он. — Можешь представить, живу у этого фран-

цузского попугая, который болтает без умолку, а я равным счетом ничего не понимаю?

— Почему бы и нет? Увидите, вы поладите!

— Нет, дорогой мой. Я старый русский вояка, у меня свои привычки. Люблю, например, нашу еду. В какое время он будет кормить меня, этот француз, и что предложат, чем мне отвечать на его комплименты и улыбки? Я все продумал — остаюсь в казарме: матрас здесь не самый мягкий, зато хорошо кормят.

— Вы собираетесь вернуть ордер? — удрученно спросил Николай.

— Да. Если, конечно, ты не захочешь его взять, — сказал, подмигнув, Максимов.

Его собрату по оружию вдруг стало очень весело.

— Вы сделаете так?

— Чего бы это ни стоило! — ответил капитан, лихо сплюнув.

Озарёв порывисто сжал ему руки, сунул ордер в карман и бросился в комнату на втором этаже казармы, которую делил еще с тремя поручиками. К счастью, товарищей на месте не оказалось. Можно было сколь угодно долго располагать осколком зеркала, которое укрепил на стене некий офицер наполеоновской армии, наверняка франт.

Очень не хотелось выглядеть кое-как, впервые представ на пороге нового жилища. Бегло взглянув на себя в зеркало, молодой человек остался доволен: отменная выправка, рука небрежно лежит на эфесе шпаги, на лице — гордость победителя и благородство, как и положено офицеру русской армии, вошедшему в Париж. Загар оттенял светлые, шелковистые волосы, делая рельефнее высокие скулы, квадратный подборо-

док, тонкий, слегка вздернутый нос. Глаза, не слишком большие, радостно сияли. Темно-зеленый мундир с красным воротником и отворотами, золотыми пуговицами, белые штаны, заправленные в высокие черные сапоги, серебряный пояс, который перетягивал так, что трудно было дышать. Два аршина, десять вершков, железные мускулы, желудок, который переварит и камни, нежное, горячее, нетерпеливое сердце... Поправил манжеты, привел в порядок черный султан на кивере и вышел, готовый покорить мир.

Десять минут спустя Николай миновал караульных, которые отдали ему честь, и впервые зашагал по Парижу один. Улица была узкая, грязная. Прохожие с любопытством оглядывали его форму. Позади неизменно слышался шепот:

— Видели русского?.. Посмотрите, русский!..

Он спросил дорогу. Какой-то господин в яркосинем костюме любезно объяснил:

— Поверните направо на бульвар Инвалидов и идите по нему до эспланады, улица Гренель в двух шагах оттуда, ошибиться невозможно...

Ошибся, и не раз. В конце концов двое мальчишек в лохмотьях предложили довести его до места за пару су. Пришлось согласиться. Ребятишки семенили рядом, задрав вверх носы и пристально рассматривая султан. У того, что поменьше, были глаза навывкате, огромный лягушачий рот. Второй — весь в веснушках. Поначалу оба хранили молчание. Потом младший заговорил:

— Вы здорово позавчера сражались?

— Я — нет, — ответил офицер, — оставался в резерве. Но мои товарищи...

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Труайя Анри

СВЕТ ПРАВЕДНЫХ Братство мака

Ответственный редактор *Ю. Раутборт*

Технический редактор *Л. Ситицына*

Корректоры *Е. Бударгина, А. Сухарева*

Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.11.2025.

Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.

Тираж 2500 экз. Т-НІВ-39449-01-Р. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

